

Я. В. Стручкова

ОРОГРАФИЧЕСКИЕ АПЕЛЛЯТИВЫ ВОЗВЫШЕННОГО РЕЛЬЕФА В ЯКУТСКОЙ ОРОНИМИИ

Анализируются орографические апеллятивы возвышенного рельефа на материале якутской оронимии в сравнительно-сопоставительном аспекте с тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Рассматривается их семантика, дистрибуция и определяется их роль в формировании оронимов. Материал исследования извлечен главным образом из двуязычных, лексикографических, этимологических, диалектологических, топонимических словарей, лингвистических работ, содержащих сведения об орографических апеллятивах. В исследовании также использовались материалы, собранные автором во время полевых экспедиций, проводимых с 2020 г. в центральных районах Республики Саха (Якутия). Цель статьи – выявление и сравнительно-историческое описание орографических апеллятивов возвышенного рельефа в якутской оронимии. Актуальность исследования обусловлена безотлагательной необходимостью фиксации, систематизации, изучения и сохранения в информационном поле лингвистов столь специфического пласта якутской топонимической лексики, как оронимия, находящегося под угрозой исчезновения в силу ряда причин социолингвистического и социоэкономического характера. Результат описательного метода показывает, что орографические апеллятивы, встречающиеся в якутской оронимии, отражают физико-географические особенности рельефа местности, на которой они функционируют. Статистический метод показал, что апеллятивы возвышенного рельефа составляют примерно 27 % всех якутских оронимов. Наиболее активными в образовании оронимов являются апеллятивы *хайа* ‘гора, скала’ (20 %), *булгуннах* ‘булгуннях, бугор пучения’ (19 %), *таас* ‘скала, гора’ (7 %), *тумул* ‘мыс’ (7 %). Словообразовательная структура большинства якутских оронимов с апеллятивами возвышенного рельефа представлена двусловными атрибутивными конструкциями и образуется по моделям типа «существительное + существительное» и «прилагательное + существительное». Сравнительно-историческим методом установлено, что орографические апеллятивы возвышенного рельефа в якутской оронимии представлены тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также общими алтайскими основами. Этимологический анализ апеллятивов, обозначающих различные формы рельефа, позволяет углубить и расширить изучение генетического родства алтайских языков, путей их исторического развития. Некоторые апеллятивы возвышенного рельефа находятся в стадии своего становления, другие устоялись и существуют во многих тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Ключевые слова: якутский язык, оронимия, оронимы, орографические апеллятивы, возвышенный рельеф

Введение

Якутский язык занимает особое положение среди тюркских языков и заметно отличается от родственных ему языков по своему звуковому и грамматическому строю и по лексическому составу (Бурыкин, 2000: 213).

В якутском языке широко и многообразно представлена лексика, отражающая своеобразный характер рельефа Якутии. Благодаря значительному протяжению территория республики отличается большим разнообразием рельефа, от горных хребтов до низменностей, а также наличием перемежающихся ландшафтов тундры, тайги и степи. Вечная мерзлота во взаимодействии с резко континентальным климатом является могучим фактором, влияющим на характер рельефа, растительности, животного мира и на направление хозяйственной деятельности населения.

Лексика ландшафта относится к одному из самых древних пластов любого языка. Не составляет исключения и якутский язык, в котором данная группа лексики возводится к общеалтайской эпохе. Судя по реконструкциям исследователей, ландшафтная лексика с базовым значением ‘открытое место, поле, равнина, долина’ в якутском языке представлена как исконно тюркскими, монгольскими и общими тюрко-монгольскими основами (Данилова, 2021: 65). Ср. як. *алыы*, *алаас* ‘узкая длинная речная долина, поросшая кустарником, кочкарником, молодыми березками’ < праалт. **p’âlà* ‘поляна, ровное место’ (EDAL, 2003: 1120); як. *таала*

‘равнина; возвышенность; долина, поле’ < праалт. *t’âlV ‘открытое место, открытое море’ (там же: 1396). Исследование ландшафтной лексики на материале топонимической лексики необходимо, как представляется, для понимания закономерностей формирования и особенностей якутской топонимии в целом.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и сравнительно-историческом описании орографических апеллятивов возвышенного рельефа в якутской оронимии.

Актуальность исследования обусловлена безотлагательной необходимостью фиксации, систематизации, изучения и сохранения в информационном поле лингвистов столь специфического пласта якутской топонимической лексики, как оронимия, находящегося под угрозой исчезновения в силу ряда причин социолингвистического и социальноэкономического характера.

Теоретической базой исследования послужили труды предшественников, изучавших топонимию Якутии, а также научные исследования в области языкознания и тюркологии. До сих пор в основном исследовались частные вопросы якутской оронимии в трудах М. С. Иванова – Багдарыын Сүлбэ, анализировались отдельные названия, группы оронимов в топонимических исследованиях В. Д. Монастырева, Нь. М. Иванова. В той или иной степени полноты орографическая лексика в якутском языкознании отражена в работах Н. К. Антонова, С. А. Иванова, А. А. Кузьминой, Г. Г. Габышевой, Я. Е. Старостиной, Н. И. Даниловой и др.

В тюркологии большой вклад в изучение оронимов внесла алтайский топонимист О. Т. Молчанова, написавшая по данной теме большое количество научных трудов (Молчанова, 2018 и др.). Орографические апеллятивы в составе оронимов рассмотрены в тюркологических работах Е. А. Керимбаева, В. И. Исрафилова, Р. Д. Сунчугашева, Н. А. Ласыновой и др. В исследованиях таких ученых, как Е. В. Сундуева, Р. Г. Жамсанарова, Н. И. Данзанова, Е. Ч. Дыжитова, Л. В. Шулунова, орографические апеллятивы отмечаются в качестве важнейшего источника формирования исторически сложившейся топонимии. Авторы отмечают, что «номенклатурные географические термины являются основным первоисточником именна-речения при “появлении” топонимов» (Дыжитова, 2019: 6).

В данной работе применяются традиционные методы исследования лингвистики, которыми пользуются исследователи ономастического материала: метод сплошной выборки, описательный, сопоставительный, полевой, а также метод компонентного анализа, сравнительно-исторический, метод этимологического анализа, статистические методы.

Материал исследования извлечен главным образом из двуязычных, лексикографических, этимологических, диалектологических, топонимических словарей, лингвистических работ, содержащих сведения об орографических апеллятивах. С целью определения лексического значения апеллятивов привлекаются семантические характеристики лексем из «Толкового словаря якутского языка» (ТСЯЯ), «Большого толкового словаря якутского языка» (БТСЯЯ), «Словаря якутского языка» (СЯЯ) Э. К. Пекарского, «Якутско-русского словаря» (ЯРС), «Словаря топонимной лексики Республики Саха» М. С. Иванова – Багдарыын Сүлбэ (СТЛ). Кроме того, в приведенных словарях якутского языка, как правило, приводится сравнительный материал, подтверждающий то или иное происхождение слова. В исследовании также использовались материалы, собранные автором во время полевых экспедиций, проводимых с 2020 г. в центральных районах Республики Саха (Якутия).

В данном исследовании одним из самых важных является этимологический анализ, который проводился с опорой на работы якутоведов, тюркологов и монголоведов: Н. К. Антонова, В. Д. Монастырева, Нь. М. Иванова, О. Т. Молчановой, Э. М. Мурзаева, А. М. Щербак, Р. Г. Жамсанаровой, Н. И. Данзановой и др. Следует отметить, что наши выводы в целом подтверждаются результатами этимологического анализа, выполненного предшественниками.

Следующим основополагающим методом при исследовании орографических апеллятивов является сравнительно-исторический метод позволяющий сравнить, сопоставить и выявить типологически релевантные характеристики в географической лексике с точки зрения

сходства и различия, независимо от этноязыковой принадлежности, например, в границах тюркских и монгольских языков. Обширный материал по орографическим апеллятивам тюркских языков с параллелями из монгольских и тунгусо-маньчжурских языков представлен в «Энциклопедии названий мест Горного Алтая» О. Т. Молчановой (ЭНМ, 2018). Значительным источником сопоставления послужил «Большой академический монгольско-русский словарь» (БАМРС, 2001), «Бурятско-русский словарь» (БРС, 1973), «Монгольско-русский словарь» (МРС, 1957), «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (ССТМЯ, 1975; 1977), а также этимологические словари алтайских и тюркских языков: «Древнетюркский словарь» (ДТС, 1969), «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (СИГТЯ, 2001), «Этимологический словарь тюркских языков» (ЭСТЯ, 1980; 1989; 1997), «Этимологический словарь алтайских языков» (EDAL, 2003) и др.

Известно, что ороним – это «собственное имя любого элемента земной поверхности» (Подольская, 1978: 99); оронимия – совокупность оронимов на какой-либо определенной территории. Оронимия является одной из составных частей топонимии как совокупности всех географических названий данного региона (Сунчугашев, 1999: 18). Традиционно орографические апеллятивы делят на следующие лексико-семантические группы: «апеллятивы, служащие для обозначения положительных форм рельефа (гор, холмов, возвышенностей и т. д.); апеллятивы, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа (оврагов, ложбин, ям и т. д.); апеллятивы, служащие для обозначения плоских форм рельефа (равнина); апеллятивы, служащие для обозначения переходных форм рельефа (склон, берег)» (там же: 19).

Якуты хорошо знали рельеф окружающего их мира, где расположены различные неровности, поднятия и понижения земли, овраги, поля, поляны и др. И каждая разновидность рельефа земной поверхности имела свое собственное название. Исследование любой топонимической системы должно начинаться именно с изучения географических апеллятивов и образованных от них топонимов: «Топонимы, образованные от географических терминов и природных признаков, являются более древними и многочисленными, сохраняют первоначальные особенности языка, составляя основу топонимической системы любого ареала» (Хисамов, 2022: 6).

Основные результаты исследования

В 2 500 географических названий, зафиксированных нами, апеллятивы возвышенного рельефа встречаются в составе около 27 % оронимов. По нашим наблюдениям, в образовании оронимов участвуют свыше 50 апеллятивов возвышенного рельефа: *аартык* ‘горный перевал’, *адаар* ‘скалистые горы’, *булгунньах* ‘булгуннях, бугор пучения’, *булун* (*булун*) ‘отдельно стоящий пригорок, мыс’, *дабаан* ‘возвышенность’, *дьаангы* ‘каменная скала, голец’, *дьугдьуур* ‘горный хребет’, *кирбии* ‘хребет’, *күрбэ* ‘береговая гора’, *кыйа* (*кыйыа*) ‘горы вдоль рек’, *кырбаат* ‘горный перевал’, *кырдал* ‘возвышенность’, *мөбүһүн* ‘холм’, *мөлдөөгөй* ‘холм, пригорок’, *мыраан* (*быраан*) ‘гора, холм’, *өнкөөт* ‘горы вдоль рек’, *сис* ‘гора’, *суорба* ‘гора’, *сыыр* ‘горка’, *таас* ‘скала, каменные горы’, *таскыл* ‘голец, каменная сопка’, *тобой* ‘мыс’, *томтор* ‘пригорок’, *тумус* ‘мыс’, *тумул* ‘мыс’, *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс’, *хадаар* ‘скала, утес’, *хадаба* ‘скала’, *хайа* ‘гора, скала’, *халдьаайы* ‘косогор’, *чочур* (*чучур*) ‘сопка’, *эниэ* ‘горка’ и т. д.

Наибольшей частотностью обладает апеллятив *хайа* ‘гора, скала’ (20 %), за ним следует *булгунньах* ‘булгуннях, бугор пучения’ (19 %), *таас* ‘скала, гора’ (7 %), *тумул* ‘мыс’ (7 %), *мыраан* (*быраан*) ‘гора, холм’ (5 %), *кырдал* ‘возвышенность’ (3 %), *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс’ (3 %). Применение других апеллятивов (*дабаан* ‘возвышенность’, *тобой* ‘мыс’, *тумус* ‘мыс’) составляет 1–2 %. Словообразовательная структура большинства якутских оронимов с апеллятивами возвышенного рельефа являются двусловными атрибутивными

конструкциями и образуются по моделям типа «существительное + существительное» и «прилагательное + существительное».

Рассмотрим, как орографические апеллятивы возвышенного рельефа находят отражение в якутской оронимии. Выбор слов, анализируемых в данной работе, проводится на основании их частого использования в составе якутских оронимов. Далее анализируются данные апеллятивы в алфавитном порядке.

Апеллятивом возвышенного рельефа в якутском языке является лексема *булгунньах* ‘булгуннях; курган; холм, большой бугор, сопка’ (ТСЯЯ, 2005: 494; СЯЯ, 1959: 544). Булгуннях, или многолетние бугры пучения, возникают в местах замерзания подземных вод, они достигают высоты до нескольких десятков метров (рис. 1). По определению Э. М. Мурзаева, «булгунях – бугор вспучивания с ледяным ядром (гидролакколит) в тундре, на побережье арктических морей, в области вечной мерзлоты» (Мурзаев, 1984: 134). Данный орографический объект характерен в основном для Центральной Якутии, поэтому апеллятив *булгунньах* не имеет диалектного эквивалента. По данным топонимиста М. С. Иванова – Багдарыын Сүлбэ, апеллятив *булгунньах* распространен по всей Центральной Якутии, однако в Алданском, Верхнеколымском, Ленском, Мирнинском, Нерюнгринском районах еще не зафиксирован (СТЛ, 2019: 70). На исследуемой территории обнаружено 127 оронимов с данным апеллятивом: булг. **Эдэр Булгунньах** (як. *эдэр* ‘молодой’, букв. ‘молодой булгуннях’), булг. **Арамаанптар Булгунньахтара** (як. *Арамаанптар* – антропоним от рус. Романовы, букв. ‘булгуннях Романовых’), булг. **Күтүр Булгунньах** (як. *күтүр* ‘огромный, громадный’, т. е. ‘большой булгуннях’), булг. **Муус Булгунньах** (як. *муус* ‘лед’, букв. ‘ледяной булгуннях’) и т. п. Лексических и топонимических соответствий в других тюркских и монгольских языках не обнаружено. О происхождении слова высказываются разные предположения. Н. К. Антонов считает *булгунньах* словом тюркского происхождения и сравнивает с осм. *бэлэк*, *бэлик* ‘холм, бугор’; кирг., казах. *бэлэс* ‘холм’ (Антонов, 1971: 16). По предположению Н. М. Иванова, апеллятив *булгунньах* имеет монгольское происхождение, который исследователь сравнивает с бурятской глагольной основой *булхай-* ‘быть выпуклым, быть пухлым или вздутым, надутым’ (Иванов, 2001: 24). От этой основы посредством омертвелого аффикса якутского языка *-ньах* образовался апеллятив *булгунньах*, как от *бөлкөй-*¹ *бөлкөнньөх*; *орбой-* > *орбонньох* (там же: 24). Той же точки зрения относительно семантического пути развития лексемы придерживается Багдарыын Сүлбэ. Автор считает возможным образование *булгунньах* от глагола *былбай-* (СТЛ, 2019: 71) со значением ‘чрезмерно расползаться, выпирать мясистой массой’ (ТСЯЯ, 2005: 699). Вероятнее всего, в основе апеллятива *булгунньах* лежит древний монгольский корень *бул-*, обозначающий ‘какую-либо выдающуюся, выступающую местность’ (Иванов, 2001: 24). Надо отметить, что представленный корень с вариантами *бол-*, *был-* участвует в образовании и других апеллятивов возвышенного рельефа: ср. як. *булбаат/былбаат* (диал.) ‘бугристая, ухабистая местность’, як. *быллаар/буллаар* ‘местность, покрытая небольшими буграми; маленький бугорок, неровность земли’, як. *былдаат* (диал.) ‘кочкарник’, як. *боллох* ‘бугор, глыба земли’ и др. По поводу данного корня в монгольских языках Т. А. Бертагаев замечает следующее: «Корень *бул-* находится в глубоком этимологическом родстве с группой слов, означающей нечто выделяющееся или нечто выдвинутое: *бул-т-л-э-х* ‘выбивать’, *бул-т-гэр* ‘пучеглазый’, *бул-уу* ‘нечто утолщенное’, ‘шишка’, *бол-с-уу* ‘наконечник стрелы’, *бол-д-о-г* ‘бугорок’ и т. п.» (Бертагаев, 1971: 94). В EDAL приводится основа *pūla* ‘набухать, опухать’, от которой произошли тунг. **pul-* ‘1. горб; 2. опухоль; 3. выпуклость’ и монг. **bul-* ‘опухоль; выпуклость’ (EDAL, 2003: 1108). В монгольских языках от корня *бул-* образовано большое количество географических терминов: ср. п.-монг. *булдуруу*, монг. *булдруу* ‘шишка; бугор, холмик, кочка, сопки, курганы’ (БАМРС, 2001a: 285), п.-монг. *булчим*, монг. *булчим* ‘насыпь

¹ В данной статье знак > означает происхождение одной лексемы из другой.

из песка; скат горы; мыс; крутая гора' (БАМРС, 2001а: 287), ср.-монг. *болдах*, п.-монг. *болдог* 'бугорок, сопка', монг. *болдог* 'бугор, холмик; кочковатая, неровная местность' (БАМРС, 2001а: 257), бур. *болдог* 'кочка, холмик, бугор' (БРС, 1973: 136), калм. *болдг* 'холм, бугор; не-большой курган' (КРС, 1977: 106). Приведенные апеллятивы также отражаются в оронимии в местах проживания монгольских народов: сопка **Хара Болдог** – вулканическая сопка в Тункинской впадине на территории Бурятии (бур. *хара* 'черный', букв. 'черный бугор'), дол. **Дэлүүн Болдог** – долина в Монголии и России (монг. *дэлүүн* 'селезенка', букв. 'селезенка-бугор') и т. п. Таким образом, вслед за другими исследователями мы склонны считать апеллятив *булгуннях* монгольским по происхождению.

Рис. 1. Многолетний бугор пучения

Мыраан~быраан~бураан~мураан – горы, холмы вдоль берега или долины реки; коренной берег, высокая терраса (обычно у рек, текущих по плоскогорью) (ТСЯЯ, 2005: 719), холм, гора; горный кряж; хребет (СТЛ, 2019: 79). Обращаясь к диалектным характеристикам, обнаруживаем, что *мураан* в абыйском и верхнеколымском говорах имеет определенные семантические различия: '1. обширное чистое поле; 2. долина' (ДСЯЯ, 1976: 166). Выявлено 36 оронимов, например, мыс **Ухун Быраан** (як. *ухун* 'длинный', букв. 'длинный мыс'), холм **Манган Атыыр Быраана** (як. *манган* 'белый', як. *атыыр* 'жеребец', букв. 'холм белого/буланого жеребца'), г. **Чочур Мураан** (як. *чочур* 'остроконечный', букв. 'остроконечная гора'), холм **Сыгыннях Мыраан** (як. 'голый', т. е. 'холм, не покрытый лесом') и т. п. Лексема *мыраан* однозначно рассматривается исследователями как слово монгольского происхождения (Дьячковский, 1977: 82; Кузьмина, 2017: 57 и др.). Апеллятив соотносится с п.-монг. *мөрөн*, монг. *мөрөн*, бур. *мүрэн*, калм. *мөрн* '(большая, широкая) река' (ЭСМЯ, 2016: 177). В Монголии есть большой город с названием **Мурэн**. Волгу монголы называли **Ижил-Мурэн**. Также зафиксированы монгольские, бурятские гидронимы с данным апеллятивом: р. **Дэлгэрмөрөн** (монг. *дэлгэр* 'широкий' в Северо-Восточном Китае, реки **Мурин** (бур. *мүрэн* 'большая река; поток') в Южном Прибайкалье.

В ряд апеллятивов возвышенного рельефа следует отнести апеллятив *дабаан*, имеющий значение 'возвышенность; гора, пригорок' (ТСЯЯ, 2006: 70; СЯЯ, 1959: 658; СТЛ, 2019: 86), выявленный в таких оронимах: пер. **Обус Дабаан** (як. *обус* 'бык', букв. 'бык-гора', т. е. гора, отличающаяся большими размерами), хр. **Арбаа Дабаан** (як. *арбаа* 'западная', букв. 'западная гора'), хр. **Үөһээ Дабаан** (як. *үөһээ* 'верхний', букв. 'верхняя гора'), хр. **Буор Дабаан** (як. *Буор* 'земля', букв. 'земляная гора') и т. п. В результате исследования зафиксировано 16 оронимов. Лексему *дабаан* авторы ТСЯЯ сравнивают с п.-монг. *Дабажан* 'горный проход; горный перевал' (ТСЯЯ, 2006: 71). Э. В. Севортян отмечает: «Распространено мнение, что кирг. *даба:н*,

дабан, уйг. даван, довун, узб. *dāv°ān* – монгольское заимствование. Однако в уйгурском языке отмечен глагол *даба-* ‘переходить через гору, через горный проход; переваливать через гору’, из которых прямо выводится *дабан, даван*» (ЭСТЯ, 1980: 112). Тем не менее авторы «Этимологического словаря алтайских языков» сближают лишь прамонгольскую, пратунгусскую и праяпонскую основы. Так, в EDAL приводится общеалтайская основа **dāpā-* ‘переходить через гору’, которая в пратунгусском **dāb-* ‘переплавляться’, в прамонгольском **daba-* ‘переваливать (через гору)’ и праяпонском **dāmā* ‘гора’ (EDAL, 2003: 464). Топонимический ареал распространения *дава/даба/даба(н)* от Дальнего Востока до Кавказа и Ирана. Термин широко представлен в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: ср. п.-монг. *дабаџан* ‘горный проход; горный перевал’, ср.-монг. *дабаан*, калм. *дава* ‘горный перевал’ (Данзанова, 2012: 113), монг. *даваа(н)* ‘горный перевал’ (БАМРС, 2001б: 8), бур. *дабаа(н)* ‘возвышенность; горный перевал’ (БРС, 1973: 196), эвенк. *даван* ‘перевал’ (РЭС, 1948: 199), эв., нан., *дабан*, маньчж. *дабаган* ‘горный перевал’. В «Топонимическом словаре этнической Бурятии» выявлено 19 оронимов с апеллятивом *дабаан*: пер. **Адун-Дабан** (бур. *адуун* ‘табун’, букв. табун-перевал), пер. **Нарин-Дабан** (бур. *нарин* ‘узкий’, букв. ‘узкий перевал’, пер. **Хара-Дабан** (бур. *хара* ‘черный’, букв. ‘черный перевал’) и др. (ТСЭБ, 2007).

Апеллятив *кырдал* ‘релка; возвышенность’ (СЯЯ, 1959: 1414; БТСЯЯ, 2008: 324; СТЛ, 2019: 142) функционирует в составе 22 оронимов: релка **Энэ Кырдала** (як. *энэ* ‘медведь’, букв. ‘релка медведя’), релка **Сылгыһыт Кырдала** (як. *сылгыһыт* ‘табунщик’, букв. ‘релка табунщика’), релка **Уһун Кырдал** (як. *уһун* ‘длинный’, букв. ‘длинная релка’), релка **Кыһыл Кырдал** (як. *кыһыл* ‘красный’, букв. ‘красная релка’) и т. п. Авторы БТСЯЯ сравнивают апеллятив *кырдал* с тюркским *кыр* ‘гребень горы; холмистая степь; грань’ (БТСЯЯ, 2008: 324). Близкое к этому значение зафиксировано в EDAL, где приводится общеалтайская основа **k’āre* со значением ‘край’: пратунгусская **xāri-* ‘кайма, обшивка’, прамонгольская **kira* ‘край, горный хребет’, пратюркская **kir*: ‘1. отдельно стоящая гора; 2. вершина горы, гребень горы, возвышенность; 3. степь, пустыня, равнина; 4. край’ (EDAL, 2003: 768). Э. М. Мурзаев указал на широкое распространение в тюркской топонимии слова *кыр* (Мурзаев, 1996: 111). Ср. алт. *кыр* ‘гора, возвышенность; холмистая степь’, башк. *кыр* ‘1. поле, нива; 2. грань, *кырака* – горная цепь, гора’, кирг. *кыр* ‘1. горный хребет; гребень горы; 2. холмистая степь; возвышенность; 3. грань, тув. *кыр* ‘горный хребет’; хак. *хыр* ‘край, грань; гора, горный хребет, гребень горы; холм; возвышенность’ (ЭНМ, 2018: 101). Есть оронимы с данным апеллятивом г. **Пёзік Хыр** (хак. *pözik* ‘высокая’, букв. ‘высокая гора’), г. **Оох Хырлар** (хак. *оох* ‘мелкий’, букв. ‘мелкие холмы’) в Хакасии, хр. **Кара-Кыр** (алт. *кара* ‘черный’, букв. ‘черная гора’) в Горном Алтае. *Кыр* имеет широкое распространение также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: ср. п.-монг. *кира* ‘гребень (горы)’, монг. *хяр* ‘гребень (возвышенности)’, бур. *хяра* ‘гребень (горы)’, эвенк. *кира*: ‘1. край, бок; 2. грань; 3. ребро, угол; 4. гребень горы; 5. сторона’, нан. *қира* ‘1. край предмета; 2. берег, 3. опушка (леса)’ и т. п. (там же: 101). Активное употребление данного апеллятива в составе якутских оронимов свидетельствует о том, что тюркоязычные предки якутов обозначили данной лексемой орографический объект, знакомый им по месту прежнего обитания.

Широкое распространение в якутской оронимии получил апеллятив *таас* со значениями ‘камень, возвышенное горное место’ (БТСЯЯ, 2013: 88), ‘(каменная) гора, камень, утес, скала’ (СЯЯ, 1959: 2590). Обращаясь к диалектным характеристикам, обнаруживаем, что *таас* в говорах якутского языка имеет определенные семантические различия: а) каменистые горы; утес, скала; б) самая высокая, окраинная с сухим твердым грунтом и бедной растительностью часть аласа, луга, поля (СТЛ, 2019: 229), которые, вероятно, обусловлены локальными особенностями ландшафта. В якутской оронимии обнаружено 48 оронимов с апеллятивом *таас*, выступающих в формах *таас, тааһа, таастаах*: ск. **Тулаайах Таас** (як. *тулаайах* ‘сирота; перен. одинокий’, т. е. ‘одинокая скала’), ск. **Тиис Тааһа** (як. *тиис* ‘зуб’, т. е. выступающая

острая скала), г. **Илин Таас** (як. *илин* ‘восточный’, букв. ‘восточная гора’), ск. **Манган Таас** (як. *манган* ‘белый’, букв. ‘белая скала’), ск. **Күрбэ Таастаах** (як. *күрбэ* ‘массивный’, букв. ‘(скала) с массивным камнем’). Значения ‘камень; скала’ апеллятив сохраняет и в других тюркских языках в похожих словах с небольшими фонетическими отклонениями: алт. *таш* ‘камень; гора, сопка, возвышенность, сложенные из твердых пород с их обнажениями’, башк. *таш*, кирг. *таш*, тув. *даш* ‘камень; скала; что-то сделанное из камня; твердый, как камень’, хак. *тас* ‘камень’ (ЭНМ, 2018: 120). Тюркологи отмечают присутствие слова *taş* уже в древнетюркских памятниках в значении ‘камень’ (ДТС, 1969: 229) и сравнивают с монг. *čilaγu(n)* ‘камень’ (ЭСТЯ, 1980: 168). Г. Дерфер восстанавливает праформу лексемы в виде **tjāša* (Doerfer, 1971: 291). Эти же значения приводит «Этимологический словарь алтайских языков», где представлена пратунгусская основа **žola* ‘камень’, прамонгольская **čilaγu* ‘камень’, пратюркская **diāl* ‘камень’ (EDAL, 2003: 1373). Широкий анализ лексемы *da:ш* на материале тюркских языков представлен в Этимологическом словаре тюркских языков (ЭСТЯ, 1980: 167). Зафиксированы следующие оронимы в тюркской топонимии: г. **Ажу Таш** (алт. *ажу* ‘перевал’, букв. ‘перевал-гора’), лог **Ак Таш** (алт. *ак* ‘белый’, букв. ‘белый камень’) в Горном Алтае, г. **Кёк Тас** (хак. *кёк* ‘синий’, букв. ‘синий камень’, г. **Тёрт Тас** (хак. *тёрт* ‘четыре’, букв. ‘четыре камня’) в Хакасии, г. **Кызылташ** (башк. *кызыл* ‘красный’, букв. ‘красный камень’), г. **Һандыкташ** (башк. *һандык* ‘сундук’, т. е. камень, имеющий форму сундука) в Башкирии.

Апеллятив *тобой* ‘мыс’ (БТСЯЯ, 2013: 412) функционирует в составе 18 оронимов: мыс **Улуу Тобой** (як. *улуу* ‘великий’, букв. ‘великий мыс’), г. **Өндөрөөскү Уолун Тобойо** (як. *Өндөрөөскү* – антропоним от русск. Андрей, як. *уол* ‘сын’, букв. ‘мыс сына Андрея’), мыс **Кыра Тобой** (як. *кыра* ‘маленький’, букв. ‘маленький мыс’), мыс **Арыылаах Тобойо** (т. е. мыс в Арылахе) и т. п. Якутское *тобой* используется как в орографии, так и в гидрографии. В БТСЯЯ находим гидрографическое значение ‘изгиб, излуцина, извилина (дороги или реки, озера с заливом’, которое при этом занимает первую позицию, в то время как орографическое значение – второстепенную ‘полуостров, мыс’ (БТСЯЯ, 2013: 412). В монгольских языках соматический термин *тохой* ‘локоть (часть руки от локтя до кисти)’ имеет только гидрографическую номинацию: п.-монг. *тохой*, бур. *тохой*, калм. *тоха* ‘излучина, изгиб, лука реки’ (ЭСМЯ, 2018: 173). В бурятском языке слово *тохой* самостоятельно функционирует также в значении ‘залив’. Например, зал. **Нуур-Тохой** (бур. *нуур* ‘озеро’, букв. ‘озеро-изгиб’) в Бурятии. По замечанию М. М. Содномпиловой, в традиционном мировоззрении монгольских народов водные объекты наравне с горными входили в число наиболее осмысленных человеком природных объектов: «Так же как к отдельным горам, горным массивам, по отношению к рекам в обозначениях их элементов используется антропоморфный код. У реки находят рот – *аман* (устье), горло – *хоолой* (протока, рукав, пролив между озерами), локоть – *тохой* (излучина), а берега (*эрье*) очень часто называют по-иному – *бэе* (тело)» (Содномпилова, 2009: 112). В якутском языке лексема *тобой* используется только в географическом значении и сохранилась в составе топонимов, хотя как часть тела человека почти все монгольские народы ее активно используют. В EDAL приводится основа *t'ūk'V* ‘ключица, локоть’, от которой произошли пратунгусская основа **tūkre* со значениями: ‘1. ключица; 2. верхнее ребро’ и прамонгольская **tokoj* в значении ‘локоть’, которая со ссылкой на Ст. Калужинского соотносится с якутским *toγonox* (EDAL, 2003: 1471) со значением ‘локоть’ (БТСЯЯ, 2013: 412). В тюркских языках находим следующие топонимические соответствия: ср. алт. *токой*: ‘1. полуостров, выдающийся полукругом берег реки; 2. лес’, башк. *тугай*: ‘1. кустарник; 2. диал. луг, пойма’, кирг. *токой*: ‘1. лес; 2. заросли кустарника, часто смешанного с камышом, по поймам рек, речек, по берегам озер, на болотистых местах’, татар. *тугай*: ‘1. извив, излуцина реки; 2. луг, пойма’ и др. (ЭНМ, 2018: 120). Согласно сведениям Н. Поппе, «каракалп. *toγay* ‘лес’ не принадлежит к той самой группе, как як. *тыя* ‘лес’ < **tāy* ‘гора’, потому что *toγay* < *токай* является

монгольским заимствованным словом» (Рорре, 1974: 129). Как показал наш анализ, якутское *тобой* имеет монгольское происхождение.

Соматический термин *тумус* ‘нос; клюв’ в современной орोगрафии функционирует в значениях ‘мыс, мысок; выступ’ (БТСЯЯ, 2014: 108; СЯЯ, 1959: 2811; СТЛ, 2019: 247). В данном случае номинация орोगрафического объекта произведена по принципу ассоциативных связей, вызванных внешним сходством. Аппеллятив *тумус* участвует в образовании 19 оронимов: мыс **Кыһыл Тумус** (як. *кыһыл* ‘красный’, букв. ‘красный нос’), мыс **Кумах Тумус** (як. *кумах* ‘песок’, букв. ‘песчаный нос’), мыс **Кылаабыһа Тумса** (як. *кылаабыһа* ‘кладбище’, букв. ‘нос кладбища’) и т. п. Аппеллятив *тумус* является общетюркским: ср. алт. *тумчук* ‘нос, клюв; выступ горы, маленькое возвышение’, башк. *томшоҡ* ‘морда, рыло (у животных); выступ горы’, казах. *тумсық* ‘клюв, морда; крутой удлиненный выступ возвышенности, мыс’; каракалп. *тумсық* ‘клюв; морда; щипец; хобот; мыс’; кирг. *тумшук* ‘клюв, морда; мыс, спускающийся вниз, продолговатый выступ предгорья’; тув. *думчук* ‘нос; клюв; хобот; уступ (горы)’; хак. *тумзух* ‘нос, клюв, хобот; мыс’; шорск. *тунчук* ‘клюв птицы; губа; мыс’ и т. п. (ЭНМ, 2018: 123). Зафиксированы алтайские оронимы: г. **Темир-Тумчук** (алт. *темир* ‘железный’, букв. ‘железный нос’), г. **Тумчук-Кыр** (букв. *тумчук* ‘нос’, *кыр* ‘гора’, букв. ‘нос-гора’, т. е. гора, похожая на нос) в Горном Алтае.

От аппеллятива *тумус* в якутском языке образовались производные термины *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс, сопка’ (БТСЯЯ, 2014: 111) и *тумул* ‘выступ в водоем, равнину, мыс (обычно горный)’ (СЯЯ, 1959: 2810; БТСЯЯ, 2014: 105). Насчитывается 23 оронима с аппеллятивом *тумуһах*: мыс **Хаар Тумуһах** (як. *хаар* ‘снег’, букв. ‘снежный мыс’), мыс **Кустуур Тумуһах** (як. *кустуур* образовано от *кустаа* – ‘охотиться на уток’ (*кус* ‘утка’ + *-лаа*) при помощи аффикса *-уур*, т. е. мыс, где охотятся на уток), мыс **Хара Тумуһах** (як. *хара* ‘черный’, букв. ‘черный мыс’) и т. п.

Тумул ‘мыс’ считался местом, отчетливо просматриваемым сверху и особенно излюбленным духами и шаманами; *тумулы* озер и рек являются местом отдыха не только духов – хозяев местности, но также через них ‘проходит воздушная дорога’, по которой ‘проезжают’ всевозможные духи (СТЛ, 2019: 247). Якутские могилы часто располагаются на *тумулах*. На исследуемой территории аппеллятив *тумул* употребляется в достаточной степени активно и в живой речи, и в образовании оронимов: мыс **Улуу Тумул** (як. *улуу* ‘великий’, букв. ‘великий мыс’), мыс **Харыйа Тумул** (як. *харыйа* ‘ель’, т. е. мыс, где растет ель), мыс **Элэмэс Тумул** (як. *элэмэс* ‘пестрый’, букв. ‘пестрый мыс’), мыс **Илбис Тумула** (як. *Илбис* – антропоним, дух кровожадности, войны, букв. ‘мыс духа войны Илбис’), мыс **Ыарыппыт Тумула** (як. *ыарыппыт* образовано от *ыарый* – ‘болеть’ при помощи аффикса *-быт*, букв. ‘мыс заболевшего’) и т. п.

В якутской оронимии активно функционирует аппеллятив *хайа* ‘гора’ (БТСЯЯ, 2016: 186), ‘гора, горы, цепь или хребет гор; высокая гора, утес, скала, каменные горы’ (СЯЯ, 1959: 3242), ‘гора; холм, булгуннях, возвышенность’ (СТЛ, 2018: 280). Данный аппеллятив очень продуктивен в образовании всех видов оронимов и на исследуемой территории встречается в составе 138 оронимов, например, г. **Болбукта Хайата** (як. *болбукта* ‘кедровый стланик’, букв. ‘гора кедрового стланика’, т. е. ‘гора, где растет кедровый стланик’), г. **Суруктаах Хайа** (як. *сурук* ‘письмо’, букв. ‘скала с письменами’), г. **Үрүн Хайа** (як. *үрүн* ‘белый; чистый; святой’, букв. ‘белая/святая гора’), г. **Ытык Хайа** (як. *ытык* ‘священный’, букв. ‘священная гора’), г. **Хаптаҕай Хайа** (як. *хаптаҕай* ‘плоский’, т. е. ‘плоскогорье’) и т. д. В древнетюркском языке *qaja* в значении ‘скала’ зарегистрировано в словаре Махмуда Кашгарского 1072–1076 гг. (ДТС, 1969: 406). Это значение ‘скала, утес’ аппеллятив сохраняет и в других тюркских языках в разных фонетических вариантах: алт. *кайа* ‘скала, утес’, башк. *кайа* ‘скала, утес: *кайа тау* – отвесная высокая гора, *кайа таш* – каменный утес; казах. *қыя* ‘возвышенность с крутыми каменистыми склонами; скала’, ног. *кайа*: ‘1) скала, гора, утес; 2) высокий крутой берег реки’, татар. *кыя* ‘скала; скалистый’, тув. *хая* ‘скала’; хак. *хайа*, шорск. *қайа* ‘скала, утес’ и т. п. (ЭНМ, 2018: 74). В лингвистической литературе существуют мнения как о заимствовании

слова *хайа* из монгольского в тюркские, так и обратное (Räsänen, 1969: 221; Clauson, 1972: 674; ЭСТЯ, 1997: 199; Щербак, 1997: 132; СИГТЯ, 2001: 96; EDAL, 2003: 629; ЭНМ, 2018: 74). Авторы EDAL приводят общеалтайскую основу **kadV* ‘скала, гора’: пратунгусская **kada(r)* ‘скала’, прамонгольская **kada* ‘скала’, пратюркская **K(i)aja*: ‘1. скала; 2. гора; 3. склон’ (EDAL, 2003: 629). Ср. монг. *хад(ан)*: ‘1. скала, утес, каменная гора; 2. каменный; скалистый’ (МРС, 1957: 497), бур. *хада*: ‘1. гора; 2. горный; гористый’ (БРС, 1973: 529), эвенк. *кадауа*: ‘1. каменистая россыпь (на крутом склоне); 2. скала; 3. гора’, эв. *қадақу*: ‘1. скалистый; 2. утес’, маньчж. *зада* ‘скала, пик, вершина’ (ЭНМ, 2018: 74). Выявлены хакасские и алтайские оронимы: ск. **Хызыл Хайа** (хак. *хызыл* ‘красный’, букв. ‘красная скала’), ск. **Чочах Хайа** (хак. *чочах* ‘острый’, букв. ‘острая скала’) в Хакасии, г. **Янылу Кайа** (алт. *janly* ‘эхо’, букв. ‘скала с эхом’), г. **Өлө Кайа** (алт. *өлө* ‘пестрый’, букв. ‘пестрая скала’) в Горном Алтае.

Интересно отметить, что в некоторых диалектных зонах встречаются эквиваленты якутского слова *хайа*: 1) *сис* (диал.) ‘гора’ (ДСЯЯ, 1976: 209), которое соответствует др. тюрк. *jış* ‘нагорье с долинами, удобными для поселений’ (ДТС, 1969: 268) и тюрк. *жіш* ‘горы, покрытые лесом, чернь’ (ЭСТЯ, 1989: 44); 2) *суорба* (диал.) ‘гора’ (ДСЯЯ, 1976: 215): *суорба таас хайа* ‘утес’, *суорба хайа* ‘отвесная скалистая гора’ (ЯРС, 1972: 343). от *суор* – ‘тесать, обтесывать’ (БТСЯЯ, 2012: 147), соответствующего тюрк. *йоон* – ‘строгать, тесать’ и монг. *зор* – ‘строгать, скоблить, срезать, снимать кожицу’ (ЭСТЯ, 1989: 222) + *-ба* (застывший аффикс, образующий отглагольное существительное и имеющий значение результата действия) (Иванов, 2017: 185); 3) *таас* (диал.) ‘скалы, каменистые горы’ (ДСЯЯ, 1976: 231) – от общеякутского (общетюркского) *таас*, *тааһ* ‘камень’. По мнению С. А. Иванова, якутское терминологического характера слово *таас* со значением ‘каменистые горы, скалы’ возникло в результате сокращения словосочетания *таас хайа* ‘каменная гора’ и метафорического переноса значения слова *таас* на наименование каменистой горы, скалы, утеса (Иванов, 2017: 185); 4) *хадаар* (диал.) ‘скала, утес’ от эвенкийского *кадар* ‘скала, утес’ (ДСЯЯ, 1976: 275). Существуют варианты *хадаба*, *хадар* (СЯЯ, 1959: 3226), которые рассматриваются как эвенкизмы в якутском языке, восходящие к п.-монг. *qada(n)* ‘скала, утес, гора’ (ССТМЯ, 1975: 360; ЭСТЯ, 1997: 199). Упомянутые апеллятивы широко представлены в якутских оронимах: ск. **Суопуйа Суорбата** (як. *Суопуйа* – антропоним от русск. Софья, т. е. скала Софьи), г. **Хадаарындья** (як. *хадаар* ‘скала’, – *ндья* – в якутском языке топоформант имеет увеличительное значение), хр. **Туора Сис** (як. *туора* ‘поперечный’, букв. ‘поперечный хребет’) и др.

Приведенная ниже диаграмма (рис. 2) отражает степень продуктивности рассмотренных орографических апеллятивов возвышенного рельефа:

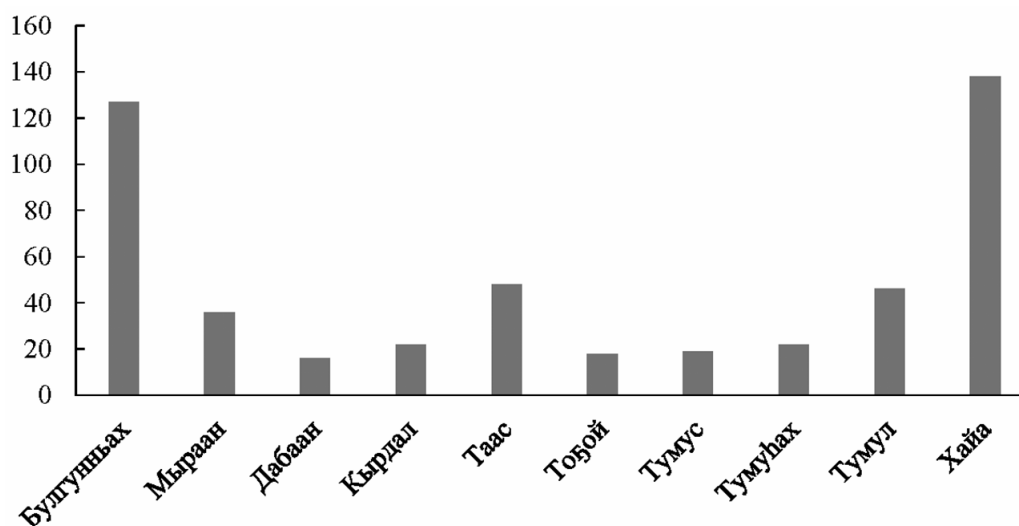

Рис. 2. Степень продуктивности апеллятивов возвышенного рельефа

Заключение

Таким образом, анализ семантики орографических апеллятивов возвышенного рельефа в якутской оронимии позволяет сделать следующие выводы.

1. Основным и самым главным источником наполнения якутской оронимии являются орографические апеллятивы возвышенного рельефа. Они составляют основу топонимической системы Якутии.

2. Апеллятивы возвышенного рельефа составляют примерно 27 % всех оронимов. Наиболее активными в их составе являются апеллятивы *хайа* ‘гора, скала’, *булгуннях* ‘булгуннях, бугор пучения’, *таас* ‘скала, гора’, *тумул* ‘мыс’, *мыраан* (*быраан*) ‘гора, холм’, *кырдал* ‘возвышенность’, *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс’, *дабаан* ‘возвышенность’, *тобой* ‘мыс’, *тумус* ‘мыс’.

3. По словообразовательной структуре большинство якутских оронимов с апеллятивами возвышенного рельефа является двусловными атрибутивными конструкциями и образуется по моделям типа «существительное + существительное» и «прилагательное + существительное».

4. Орографические апеллятивы возвышенного рельефа, встречающиеся в якутской оронимии, отражают физико-географические особенности рельефа местности, на которой они функционируют.

5. Орографические апеллятивы возвышенного рельефа представлены тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также общими алтайскими основами. Анализ апеллятивов, обозначающих различные формы рельефа, с точки зрения семантического наполнения, особенностей этимологии, позволяет углубить и расширить изучение генетического родства алтайских языков, путей их исторического развития. Некоторые апеллятивы возвышенного рельефа находятся в стадии своего становления, другие устоялись и существуют во многих тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Список сокращений:

алт. – алтайский, **букв.** – буквально, **булг.** – булгуннях, **бур.** – бурятский, **г.** – гора, **диал.** – диалект, **дол.** – долина, **др. тюрк.** – древне-тюркский, **казах.** – казахский, **калм.** – калмыцкий, **каракалп.** – каракалпакский, **кирг.** – киргизский, **маньчж.** – маньчжурский, **монг.** – монгольский, **нан.** – нанайский, **ног.** – ногайский, **осм.** – османский, **пер.** – перевал, **п.-монг.** – письменно-монгольский, **р.** – река, **русск.** – русский, **ск.** – скала, **сол.** – солонский, **ср.** – сравни, **ср.-монг.** – среднемонгольский язык, **татар.** – татарский, **тув.** – тувинский, **тунг.** – тунгусский, **туркм.** – туркменский, **тюрк.** – тюркский, **узб.** – узбекский, **уйг.** – уйгурский, **хак.** – хакасский, **хр.** – хребет, **эв.** – эвенский, **эвенк.** – эвенкийский, **як.** – якутский.

Словари:

БАМРС 2001a – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с.

БАМРС 2001b – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т. 2: Д–О. М.: Academia, 2001. 485 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008; 2012; 2013; 2014; 2016.

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка. Сост. П. С. Афанасьев, П. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. Под ред. В. М. Наделяева. Л., 1969. 677 с.

КРС – Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 765 с.

МРС – Монгольско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 715 с.

- РЭС** – Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь. Сост. Г. М. Василевич. М.: ОГИЗ, 1948. 331 с.
- ТСЭБ** – Топонимический словарь этнической Бурятии. Сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. Улан-Удэ, 2007. 190 с.
- ТСЯЯ** – Толковый словарь якутского языка: В 15 т. Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005, 2006.
- СИГТЯ 2001** – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- СТЛ 2019** – Багдарыын Сүлбэ. Словарь топонимной лексики Республики Саха. Местные географические термины и понятия. Якутск, 2019. 324 с.
- СЯЯ 1959** – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1959. Т. 1. 1200 стб.; Т. 2. 2010 стб.; Т. 3. 3858 стб.
- ЭНМ 2018** – Молчанова О. Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. Щecin: Daniel Krzanowski, 2018. Т. 1: А–К. 598 с.; Т. 2: Л–Я. 506 с.
- ЭСМЯ 2016** – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Том II: G–P. 2016. 232 с.
- ЭСМЯ 2018** – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2018. Том III: Q–Z. 2018. 240 с.
- ЭСТЯ 1980** – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г», «Д». М.: Наука, 1978. 348 с.
- ЭСТЯ 1989** – Севортян Э. В., Левитская Л. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «З», «Й». М.: Наука, 1989. 291 с.
- ЯРС 1972** – Якутско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.
- EDAL 2003** – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov). Leiden, 2003. Pp. 1556.

Литература:

- Антонов Н. К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Кн. изд-во, 1971. 176 с.
- Бертагаев Т. А.** Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Ленинград: Наука, 1971. С. 90–109.
- Бурькин А. А.** Система терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах // Алгебра родства. Вып. 5. СПб., 2000. С. 213–242.
- Данзанова Н. И.** Орографическая терминология в монгольских языках: формы возвышенного рельефа: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 158 с.
- Данилова Н. И., Попова Н. И.** Ландшафтная лексика в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 4 (37). С. 65–76.
- Дыжитова Е. В.** Топономастическая лексика Восточного Забайкалья: сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2019. 214 с.
- Дьячковский Н. Д.** Звуковой строй якутского языка. Ч. 2. Консонантизм. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1977. 256 с.
- Иванов Н. М.** Монголизмы в топонимии Якутии. Якутск, 2001. 204 с.
- Иванов С. А.** Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с.
- Кузьмина А. А.** Типы корневых основ имен существительных якутского языка (формирование одно- и двусложных основ): дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2017. 287 с.
- Монастырев В. Д.** Структура и семантика топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии): дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1993. 223 с.
- Мурзаев Э. М.** Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 656 с.
- Мурзаев Э. М.** Тюркские географические названия. М., 1996. 253 с.
- Подольская Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1978. 201 с.
- Содномпилова М. М.** Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- Сунчугашев Р. Д.** Оронимия Хакасии: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1999. 180 с.
- Хисамов О. Р.** Тюрко-татарская географическая лексика Западной Сибири: ареальный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022. 536 с.
- Щербак А. М.** Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997. 294 с.

- Clauson G.** An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 989 p.
Doerfer Gerhard. Khalaj Materials. Bloomington: Indiana university publications, 1971. 331 p.
Poppe N. N. Remarks on Comparative Study of the Vocabulary of the Altaic Languages // Ural-Altaische Jahrbücher, 1974. P. 120–134.
Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. 533 p.

Стручкова Яна Васильевна.

Ведущий методист Музея письменности.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.

E-mail: yanavasstruchkova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 26 декабря 2022 г.

Y. V. Struchkova

OROGRAPHIC APPELLATIVES OF HIGH RELIEF IN YAKUT ORONYMY

The article analyzes the orographic appellatives of high relief on the material of Yakut oronymy in a comparative aspect with Turkic, Mongolian, and Manchu-Tungus languages. The author examines their semantics and distribution. In addition, their role in the formation of oronyms is determined. The research material comes mainly from bilingual, lexicographic, etymological, dialectological, and toponymic dictionaries and linguistic works containing information on orographic appellatives. The study also used material collected by the author during the field expeditions conducted in the central regions of the Republic of Sakha (Yakutia) since 2020. The article aims to identify the orographic appellatives of the high relief in Yakut oronymy and to describe them comparatively historically. Nowadays, such a specific layer of the Yakut toponymic vocabulary as oronymy is considered endangered for a number of sociolinguistic and socioeconomic reasons and needs collection, systematization, study, and preservation in linguistic databases. The result of the descriptive method shows that the orographic appellatives occurring in Yakut oronymy reflect the physical and geographical features of the terrain in which they function. The statistical method has shown that high relief appellatives account for about 27% of all Yakut oronyms. The most active in forming oronyms are the appellatives *haya* ‘mountain, rock’ (20%), *bulguniakh* ‘pingo’ (19%), *taas* ‘rock, mountain’ (7%), *tumul* ‘cape’ (7%). The word formation structure of most of the Yakut oronyms with appellatives of high relief is represented by two-word attributive constructions and is formed according to models such as “noun + noun” and “adjective + noun”. The comparative historical method has shown that the orographic appellatives of high relief in Yakut oronymy are represented by Turkic, Mongolian, Manchu-Tungusic, as well as common Altaic word stems. The etymological analysis of the appellatives denoting different forms of relief allows us to deepen and broaden the study of the genetic relationship of the Altai languages and the ways of their historical development. Some appellatives of high relief are in the stage of their formation, and others are well established and exist in many Turkic, Mongolian, and Manchu-Tungus languages.

Keywords: *Yakut language, oronymy, oronyms, orographic appellatives, high relief*

References:

- Antonov N. K.** Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka [The Yakut language: materials on historical vocabulary]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 174 p. (in Russian).
Afanas'ev P. S., Voronkin M. S., Alekseev M. P. Dialektologicheskij slovar' jakutskogo jazyka [Dialectological dictionary of the Yakut language]. Moscow: Science Publ., 1976. 392 p. (in Yakut).
Bagdaryyn Sylbje. Slovar' toponimnoj leksiki Respubliki Saha. Mestnye geograficheskie terminy i ponjatija [Dictionary of Toponym Vocabulary of the Sakha Republic. Local geographical terms and concepts]. Jakutsk, 2019. 324 p. (in Russian).
Bertagaev T. A. Vnutrennyaya rekonstruktsiya i etimologiya slov v altaiskikh yazykakh [Internal reconstruction and etymology of words in Altai languages] // Problema obshchnosti altaiskikh yazykov [The problem of the community of Altai languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1971. P. 90–109. (in Russian).
Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Vol. 2. Letters A–B. Moscow: Academia Publ., 2001. 520 p. (in Russian).

- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'** [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Vol. 2. Letters D–O. Moscow: Academia Publ., 2001. 485 p. (in Russian).
- Bol'shoj tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka:** v 15 t. [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk: Science Publ., 2008; 2009; 2013; 2014; 2016 (in Yakut).
- Burykin A. A.** Sistema terminov rodstva yakutov v sinhronnom, sravnitel'no-istoricheskom i areal'nom aspektah [The system of kinship terms of Sakha in the synchronous, comparative historical and areal aspects] // *Algebra rodstva*. Vol 5, 2000. P. 213–242 (in Russian).
- Clauson G.** An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 989 p. (in English).
- Dambuev I. A., Manzhueva Yu. F., Rinchinova A. V.** Toponimicheskij slovar' etnicheskoy Buryatii [Toponymic dictionary of ethnic Buryatia]. Ulan-Ude, 2007. 190 p. (in Russian).
- Danzanova N. I.** Orograficheskaya terminologiya v mongol'skikh yazykakh (formy vozvyshennogo rel'efa) [Orographic Terminology in Mongolian Languages (Forms of Elevated Relief)]. Cand. ... philol. sci. diss. Ulan-Ude, 2012. 158 p. (in Russian).
- Danilova N. I., Popova N. I.** Landshaftnaya leksika v yakutskom yazyke [The landscape vocabulary in the Yakut language] // *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern humanitarian bulletin]. 2021. No 4 (37). P. 65–76. (in Russian).
- Doerfer Gerhard.** Khalaj Materials. Bloomington: Indiana university publications, 1971. 331 p. (in English).
- Drevnetjurkskij slovar'** [Old Turkic dictionary]. Leningrad: Science Publ., 1969. 677 p. (in Russian).
- Dyzhitova E. V.** Toponomasticheskaya leksika Vostochnogo Zabaykal'ya: sravnitel'no-istoricheskiy, sopostavitel'no-tipologicheskij aspekty. Cand. ... philol. sci. diss. Chita, 2019. 214 p. (in Russian).
- D'jachkovskij N. D.** Zvukovoj stroj yakutskogo yazyka. Ch. 2. Konsonantizm [The sound system of the Yakut language. Part 2. Consonantism]. Yakutsk: Yakutsk book Publ., 1977. 256 p. (in Russian).
- Ivanov N. M.** Mongolizmy v toponimii Yakutii [Mongolisms in the toponymy of Yakutia]. Yakutsk, 2001. 204 p. (in Russian).
- Ivanov S. A.** Leksicheskie osobennosti govorov jakutskogo jazyka [Lexical characteristics of Yakut patois]. Novosibirsk: Science Publ., 2017. 392 p. (in Russian).
- Jakutsko-russkij slovar'** [Yakut-Russian dictionary]. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1972. 608 p. (in Yakut).
- Kalmytsko-russkij slovar'** [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow: «Russian language» Publ, 1977. 765 p. (in Russian).
- Khisamov O. R.** Tyurko-tatarskaya geograficheskaya leksika Zapadnoy Sibiri: areal'nyy aspekt [The Turkic-Tatar geographical vocabulary of Western Siberia: the areal aspect]. Dr. ... philol. sci. diss. Kazan, 2022. 536 p. (in Russian).
- Kuz'mina A. A.** Tipy kornevykh osnov imen sushchestvitel'nykh yakutskogo yazyka (formirovanie odno- i dvuslozhnykh osnov) [The types of root bases of nouns of the Yakut language (formation of one- and two-syllable bases)]. Cand. ... philol. sci. diss. Yakutsk, 2017. 287 p. (in Russian).
- Molchanova O. T.** Entsiklopediya nazvaniy mest Gornogo Altaya [Encyclopedia of place names of Gorny Altai]. Shchet-sin: Volumi-na.pl Daniel Krzanowski, 2018, vol. 1: A-K. 598 p.; vol. 2: L-Ya, 506 p. (in Russian).
- Monastirev V. D.** Struktura i semantika toponimov: (na materiale toponimii pravoberezhnykh rayonov Tsentral'noy Yakutii) [The structure and semantics of toponyms: (based on the material of toponymy of the right-bank districts of Central Yakutia)]. Cand. ... philol. sci. diss. Yakutsk, 1993, 223 p. (in Russian).
- Mongol'sko-russkij slovar'** [Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1957. 715 p. (in Russian).
- Murzaev Je. M.** Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov [The dictionary of folklore geographical terms]. Moscow: Thoughts Publ., 1984. 656 p. (in Russian).
- Murzaev E. M.** Tyurkskie geograficheskie nazvaniya [The turkic geographical names]. Moscow, 1996. 253 p. (in Russian).
- Pekarskij Je. K.** Slovar' jakutskogo jazyka [Dictionary of the Yakut language]. In 3 vols, ed. 2. Moscow, 1958–1959. 3858 stlb. (in Yakut).
- Podol'skaya N. V.** Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii [The dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Science Publ., 1978. 201 p. (in Russian).
- Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka:** V 15 t. [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk: Science Publ., 2005; 2006 (in Yakut).
- Poppe N. N.** Remarks on Comparative Study of the Vocabulary of the Altaic Languages // *Ural-Altaische Jahrbücher*, 1974. P. 120–134 (in English).
- Räsänen M.** Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. 533 p. (in German).

Sanzhiyev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. [Etymological dictionary of the Mongolian language: in 3 vols]. G. D. Sanzheyev (Ed. in Chief), L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman (Eds). Vol. 3: Q–Z. Moscow: IV RAN, 2018. 232 p. (in Russian).

Sanzhiyev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. [Etymological dictionary of the Mongolian language: in 3 vols]. G. D. Sanzheyev (Ed. in Chief), L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman (Eds). Vol. 2: G–P. Moscow: IV RAN, 2016. 240 p. (in Russian).

Sevortjan Je. V., Levitskaja L. V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskikh jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvy «Ж», «Zh», «J» [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on the letters “D”, “Zh”, and “J”]. Moscow: Science Publ., 1989. 291 p. (in Russian).

Shcherbak A. M. Rannie tyurksko-mongol'skie yazykovye svyazi (VIII–XIV vv.) [Early Turkic-Mongolian language links (VIII–XIV centuries)]. Saint-Petersburg, 1997. 294 p. (in Russian).

Sodnompilova M. M. Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatel'nosti mongol'skikh narodov [The world in traditional world view and practice of Mongolian people]. Ulan-Udje: BNC SO RAN Publ., 2009. 366 p. (in Russian).

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskikh jazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages]. Vocabulary, Edition 2. Moscow: Science Publ., 2001. 822 p. (in Russian).

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov). Leiden, 2003. 1556 p.

Sunchugashev R. D. Oronimiya Khakasii [The oronymy of Khakassia]. Cand. ... philol. sci. diss. Moscow, 1999, 180 p. (in Russian).

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh jazykov [Comparative dictionary of Tungusic languages]. Volume 1. Letters A – N. Leningrad: Science Publ., 1975. 672 p. (in Russian).

Vasilevich G. M. Russko-evenkiyskiy (russko-tungusskiy) slovar' [Russian Russian-Evenk (Russian-Tunguska) dictionary]. Moscow: OGIZ, 1948. 331 p. (in Russian).

Struchkova Yana Vasilievna.

Leading methodologist of the Museum of Writing.

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Belinsky Str., 58, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: yanavasstruchkova@mail.ru